

Рождество Господа нашего Иисуса Христа

Патриарх Кирилл: Детская душа особенно чувствует радость Рождества

День Рождества – особенный. Он овеян какой-то тихой радостью, и проистекает эта радость не от каких-то внешних обстоятельств, как это иногда бывает в нашей жизни. В Рождество в каждом человеке струится этот тихий и мирный духовный свет. Мы ощущаем его не только в самый день праздника, ведь он оставляет след в нашей жизни. И когда дети вырастают, становятся взрослыми, даже тогда, когда проходят большую часть своей жизни, то воспоминания о детском Рождестве всегда сохраняются, потому что детская душа особенно чувствует радость этого праздника.

Действительно, этот праздник связан с детством: родился Богомладенец Христос. Не взрослым пришел Господь на землю, Он родился, Он был таким, как вы. Господь имел ту же самую природу человеческую: все то же, что у вас, было и у Него. И в этом смысле мы можем говорить, что Рождество – это, в первую очередь, праздник для детей.

Господу волхвы принесли дары. Мы знаем, как шли они долгой дорогой из восточной страны за звездой, чтобы в горнем Вифлееме встретиться с Богомладенцем, и принесли ему дары. А мы можем принести какой-нибудь дар Господу? Конечно, можем. Но Господу не нужны ни золото, ни ладан, ни смирна, которую принесли волхвы. Ему нужно что-то другое, Ему нужна наша вера в Него. Ему нужна, очень нужна наша доброта,

наша любовь друг к другу. Когда мы слушаемся старших, когда мы стараемся хорошо учиться, когда у нас есть добрые мысли и особенно когда мы с добротой относимся друг к другу – это и есть самый лучший дар, который мы можем принести Господу.

И это бесценный дар: мы его приносим Господу, а Он нас обогащает, потому что без доброты не может быть человеческого счастья. Без образования невозможно или очень трудно жить современному человеку, без послушания старшим можно сделать очень много ошибок и удлинить свой путь к определенным целям. Поэтому дары, которые мы приносим Господу, мы одновременно приносим и самим себе, потому что Господь ни в чем не нуждается, и этот дар, который мы Ему приносим, Он нам возвращает. Хотел бы вам всем пожелать, мои дорогие, приносить эти духовные дары, помня, что эти дары останутся всегда с вами и будут драгоценным сокровищем.

«Рождественское»

В яслях спал на свежем сене
 Тихий крошечный Христос.
 Месяц, вынырнув из тени,
 Гладил лен его волос...
 Бык дохнул в лицо младенца
 И, соломою шурша,
 На упругое коленце
 Засмотрелся чуть дыша.
 Воробьи сквозь жерди крыши
 К яслям хлынули гурьбой,
 А бычок, прижавшись к нише,
 Одеальце мял губой.
 Пес, прокравшись к теплой ножке,
 Полизал ее тайком.
 Всех уютней было кошке
 В яслях греть дитя бочком...
 Присмиривший белый козлик
 На чело Его дышал,
 Только глупый серый ослик
 Всех беспомощно толкал.
 'Посмотреть бы на ребенка
 Хоть минуточку и мне!'
 И заплакал звонко-звонко
 В предрассветной тишине...
 А Христос, раскрывши глазки,
 Вдруг раздвинул круг зверей
 И с улыбкой, полной ласки,
 Прошептал: «Смотри скорей!...»

Чудо прихода на землю Живого Бога

Выдержки из слов, произнесённых митрополитом Антоним Сурожским

Рождество Христово, которое мы сегодня празднуем с такой легкостью сердца, с такой благодарностью и радостью, заслуживает внимания не только нас, людей, но и всей твари, потому что это Рождество Христово, воплощение Слова Божия, принесло нам небывалую, непостижимую, новую весть как о Боге, так и о человеке и обо всей твари.

Бог, во Христе, явился нам небывалым и непостижимым образом, открылся нам так, как до того известен не был, таким, каким человек Его ни помыслить, ни выдумать не мог. Из столетия в столетие люди старались создать себе картину о том, каков их Бог. Из столетия в столетие вырастали порой грандиозные, глубоко волнующие душу образы Бога, каким мыслил Его человек. В этих образах воплощалось все самое высокое, самое величественное и дивное, о чем мечтает человеческая душа. И этого Бога великого, всемогущего, Бога небесного, человек мог и помыслить и придумать.

Но того Бога, Который явился нам в Вифлеемских яслях, человек придумать не мог бы; этот Бог – не мечта, а трагическая реальность; Бога обнищавшего, Бога гонимого, Бога опозоренного перед лицом всех людей; Бога, от Которого некоторым стыдно, потому что в Нем, по слову пророка Исаии, нет, будто, «красоты и величия», такого Бога человек не придумал бы себе; такой Бог мог только явиться, только Сам открыть Себя людям.

<...>

Бог стал одним из нас. Но не в славе, а в немощи; беспомощным и обездоленным; уязвимым и как будто побежденным;

презренным для всех, кто верит только в силу и в земное величие. В эту первую ночь, когда Бог стал человеком, когда Самый Живой Бог обитал плотью среди нас на земле, Он приобщился к самой тяжелой человеческой обездоленности. Никто не принял Его Мать под кров свой; все сочли Его чужим, все отослали Его на далекий, бесконечный путь, который простирался перед странниками без крова и без приюта. И они пошли – и в эту первую ночь Христос приобщился всем тем, которые из века в век проходят через жизнь и телесно, и духовно отброшенными, презренными, нежеланными, исключенными из человеческого общества.

Одиночество – страшное, жгучее, убийственное одиночество, которое снедает сердца стольких людей, было долей Пречистой Девы Богородицы, Иосифа Обручника и только что родившегося Христа. Он был чужой, никем не желанный, исключенный и выброшенный. Это – начало пути Его; и на этом пути Он приобщился, как я сказал, всем, кто так живет и в наше время, чужим среди людей, которые должны быть для них братьями; презренны они, побеждены – подлостью, трусостью и злобой человеческой. Уязвимы они по хрупкости своей, по беззащитности своей.

Вот каким явился перед нами Бог, потому что Он захотел стать одним из нас, чтобы ни один человек на земле не стыдился своего Бога: будто Бог так велик, так далек, что к Нему приступа нет. Он стал одним из нас в нашем унижении и в обездоленности нашей; и Он не постыдился нас,

“стал как мы все”, не только по материальной, земной, физической обездоленности, не только по душевной оставленности любовью людской, но потому, что Он сроднился – через Свою любовь, через Свое понимание, через Свое прощение и милосердие, – Он сроднился и с теми, которых другие от себя отталкивали, потому что те были грешниками. Он пришел не праведных, Он пришел грешников возлюбить и взыскать. Он пришел для того, чтобы ни один человек, который потерял к себе самому уважение, не мог подумать, что Бог потерял уважение к нему, что больше Бог в нем не видит кого-то достойного Своей любви. Христос стал Человеком для того, чтобы все мы, все без остатка, включая тех, которые в себя потеряли всякую веру, знали, что Бог верит в нас, верит в нас в нашем падении, верит в нас, когда мы изверились друг во друге и в себе, верит так, что не боится стать одним из нас. Бог в нас верит, Бог стоит стражем нашего человеческого достоинства. Бог – хранитель нашей чести, и ради того, чтобы мы могли в это поверить, это увидеть воочию, наш Бог становится обездоленным, беспомощным Человеком. Только те, которые верят в силу и ни во что иное, только те, которые верят в свою праведность, не найдут пути к Нему, пока не покаются, пока не увидят, что смирение, любовь, жалость, милосердие – закон жизни.

<...>

Его любовь такова, что Он стал с нами единым вплоть до последней, предельной трагедии человеческого существования и нам вернул жизнь.

И еще, если подумать о Христе: в тех годах поражения, унижения – изумительное открытие, что мы, люди, проигравшие войну, потерявшие родину, близких, может быть, честь в каком-то отношении, право на человеческое восхищение или уважение, – мы вдруг оказались перед лицом Христа, Каким Он не переживался раньше: Христа, Живого нашего Бога, Который по любви к человеку, по собственному почину, свободно, без принуждения сошел в самую глубину той бездны, в которую мы против воли, в отчаянии были погружены... Оказывается, что Бог по любви к нам захотел стать беспомощным, уязвимым, презренным, побежденным; истощена Его слава, Он явился в образе раба (Флп. 2, 7), пожил среди людей в самом позорном виде, умер, как простой преступник, – и ни один человек, который уходит в глубину этого человеческого ада поражения, раненности, унижения, презренности не оказывается ниже своего Бога: еще глубже, чем он, в этот ад сошел Спаситель Христос до него. Оказывается, что наш Бог таков, что мы можем перед Ним не стыдиться ни беспомощности, ни ран, ни унижения – ничего; Он все это принял на Себя, Он всему этому приобщился, чтобы иметь возможность и право с нами быть, где бы мы ни оказались: не во грехе, но во всех последствиях греха.

И если Бог может сойти в эти глубины, оказывается, что достоинство человека – не в славе, не в величии, не в победе, не в успехе, ни в одном из этих критериев, которые служат для оценки человека в обычной жизни; <...> Значит, можно сохранить достоинство человека, где бы ты ни оказался, на какой глубине этого поражения и сокрушения ты бы ни оказался.

<...>

Бог непостижимый в Своем величии, Бог, сияние Которого слепит очи, рождается, становится человеком, для того, чтобы во всем быть нам подобным, чтобы понести на Себе всю тяжесть человеческой жизни, все последствия человеческого отступления от Бога, все следствия человеческой нелюбви, взаимной отчужденности и ненависти.

Все горе земное ложится на Его плечи; и именно ради того, чтобы все это понести, Он становится одним из нас. Его рождение в Вифлеемской пещере – начало Его крестного пути; бессмертный – входит в область смерти и отдается во власть смерти; Он рождается в смерть и для нее; всесильный, ничем не ограниченный, победный Бог входит в условия вашей ограниченности, принимает на Себя всю человеческую хрупкость, всю человеческую незащищенность; рождается Он в мир, где Он, ставший хрупким и слабым, будет встречен грубой и беспощадной силой; Он, Который стал человеком, потому что так возлюбил созданный Им мир, что Собой пожертвовал, чтоб этот мир вернулся к радости своей. Он, Который есть любовь, ставшая плотью, будет встречен сначала холодной безразличностью, затем нарастающим отчуждением, ненавистью; будет отвержен, изгнан, убит, когда страшная проповедь любви прозвучит слишком явственно, слишком неумолимо, когда люди поймут, что то, чего Он безжалостно требует, это чтобы они отреклись от себя, умерли для своего эгоизма, себялюбия, страстей, отвергли все, что есть кажущееся их богатство и достояние, для того, чтобы другого, любого другого, каждого другого возлюбить всей жизнью и всей смертью своей – когда люди, окружавшие Христа, это поняли, они от этой любви пришли в страх и

ужас, и эту любовь они отказались понести.

Вот какой Бог нам открывается, и такого Бога, поистине, человек придумать не мог, ибо такого Бога он себе и не мог пожелать, потому что Господь не только Сам Себя таким являет, но Он требует от каждого из нас, чтоб мы именно такими, как Он, стали через любовь, которая нас делает свободными от себя самих, чтобы мы стали уязвимыми до конца, беззащитными до конца, безумно поверив в свободу любви. И это людям страшно было тогда, как и теперь. Потому что в любом обществе есть люди насилия и люди, которые взяли на себя иго Христова, которые названы именем Христа.

<...>

Христос, говоря о самом великом, что может сделать человек, о самой высокой мере, до которой он может вырасти, дал нам заповедь любви: «Никто большей любви не имеет, как тот, который душу свою положит за друзей своих...». И вот, в эту таинственную рождественскую ночь, Сам Господь и Бог наш воплощением Своим исполнил этот закон победоносной жизни и любви. Мы рождаемся во временную, преходящую жизнь, из ничего возникаем державным творческим словом Живого Бога, и через это временное бытие становимся причастниками вечности и входим в жизнь вечную. Господь же и Бог наш, воплощением Своим, из полноты бытия, из торжествующей полноты жизни входит в область смерти; из полноты нетварного бытия Он заключается в узкие, подлинно тюремные рамки падшего мира; будучи вечным, рождается во времени, чтобы в этом мире, узком, тесном, оторванном от Бога, жить, показывая нам пример того, как изо дня в день можно отдавать жизнь за своих друзей, и умирает, показывая нам, что и смертью можно

явить торжество жизни. Одна из древних греческих икон представляет нам ясли вифлеемские не в виде трогательных яслей, а в виде жертвенника, сложенного из камней, на которых лежит ребенок, предназначенный к смерти; но не к случайной, бессмысленной, бесцельной смерти, а к смерти жертвы, которая осмысленно, свободно приносится Богу во очищение грехов, ради победы над самой смертью, для соединения Неба и земли, для соединения отпавшей твари и Живого, любящего Бога.

Сегодня вечный Бог рождается во время. Бесплотный облекается плотью. Тот, Кто за пределами смерти, входит в область смерти; сегодня начинается крестный путь Господень; сегодня является нам жертвенная, крестная божественная Любовь. Сегодня ясли вифлеемские предзнаменуют нам ту пещеру, куда будет положен Господь наш Иисус Христос, снятый со креста после мучительной смерти... И весь путь жизни Господней является ничем иным, как исполнением этой заповеди о любви, которая не знает ни границ, ни предела...

<...>

Бог стал человеком; Своим Божественным существом Он соединился со всем многослойным существом человека, пронизал существом Своим человеческую душу, исполнил Божеством Своим, словно огнем, и плоть человеческую, которую Он воспринял от Девы Богородицы, сроднив Себя таким образом со всем, что было сотворено державным Его Божественным словом. В такую ночь мы созерцаем духом это событие: это событие историческое, действительно

случившееся, которое изменило все взаимоотношения Бога и твари. Не только с нами Бог, но Он – один из нас. Он явил нам Своим воплощением величие человека, который способен быть не только духоносен, но и Богоносен, способен соединиться со всей тайной Божества и, как говорит Ириней Лионский, в совершенстве своем быть Его славою.

Но верить в это событие, принимать его всем сердцем, всем умом – недостаточно: надо воспринимать его всей жизнью своей, всей крепостью, всей волей своей, и так прожить, чтобы воплощение Божие было явлено всему миру тем, какими стали Его ученики, приобщившись тайне Божества. <...>

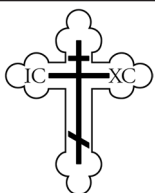
Быть Христовыми это значит не только умом и сердцем уверовать, это значит всем своим существом измениться, и изменить свою жизнь. Так ее изменить, чтобы каждый человек, который встретит либо отдельного христианина, либо общину христиан, с изумлением глядел бы на отдельного человека и на общину и видел, что эти люди принадлежат иному миру: не оторвавшись от этого, но переросши его; что они – граждане вечности, и что через них, в них вечность присутствует на земле уже теперь, и в них раскрывается перед всеми людьми величие и красота Царства Божия, которое есть Царство любви

неограниченной, любви бесконечной, любви, которая себя до конца отдает на спасение ближнего – друга и врага, любящего и ненавидящего.

Только если мы будем такими, если жизнь наша будет – Христос, если Его воля, Его пути, Его мечты о земле осуществятся в нас, если для нас смерть перестанет быть страшной, а будет любимой, желанной – не как бегство от жизни, а как вступление в вечность, и если, однако, мы будем готовы жить самым тяжелым, самым крестным образом для того, чтобы воссияла радость вечности другим, – только тогда люди вокруг нас смогут поверить в Господа Бога, Спасителя всей земли, всего мира, Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки. Аминь.

<...>

И какая радость думать, что Бог наш стал теперь как бы живой частью нашего, сотворенного Им, мира.

Русская Православная Церковь (Московский Патриархат) Волгодонская епархия
Приход храма первоверховных апостолов Петра и Павла г. Волгодонска
Адрес прихода: 347374, пер. Фрунзе, 6; телефон: 8 (8639) 27-36-29
сайт: pip-vdonsk.cerkov.ru; email: pip.vdonsk@gmail.com
Настоятель — протоиерей Владимир Самигулин, т. 8 918 5144245